

Управление и политика времени Елизаветы

Внутренняя деятельность.

Ее главный факт – перемены в положении сословий, дворянства и крестьянства.

Вступая на престол с желанием вернуть Россию к порядкам Петра Великого, Елизавета не достигла этого прежде всего в своем законодательстве о сословиях. Мы видели, что после Петра, ко времени Елизаветы, дворянство изменило к лучшему условия своего быта; оно облегчило свои повинности государству, успело снять те стеснения, какие лежали на его имущественных правах, и получило большую, чем прежде, власть над крестьянами. При Елизавете успехи дворянства продолжались и в сфере его имущественных прав, и в отношении к крестьянам. Только долгосрочная обязательная служба осталась неизменной.

В 1746 г. последовал замечательный указ Елизаветы, запрещавший кому бы то ни было, кроме дворян, покупать «людей и крестьян без земель и с землями». Межевой инструкцией 1754 г. и указом 1758 г. было подтверждено это запрещение и предписано, чтобы лица, не имеющие права владеть населенными землями, продали их в определенный срок. Таким образом, одно дворянство могло иметь крестьян и «недвижимые имения» (термин, сменивший в законодательстве старые слова – вотчина и поместье). Это старое право, будучи присвоено одному сословию, превращалось теперь в сословную привилегию, резкой чертой отделяло привилегированного дворянина от людей низших классов. Даровав эту привилегию дворянству, правительство Елизаветы, естественно, стало заботиться, чтобы привилегированным положением пользовались лица только по праву и заслуженно. Отсюда ряд правительственных забот о том, чтобы определить яснее и замкнуть дворянский класс.

И в XVII в., и в начале XVIII в., когда дворянство отличалось от прочих классов только обязанностью службы и условным правом личного землевладения, дворяне не дорожили своим положением и скрывались от службы переходом в низший класс, даже в холопы. В свою очередь, и правительство, нуждаясь в служебных силах, легко принимало, или, как тогда выражались, «верстало» различных людей в дворянство. Петр своей Табелью о рангах открыл широкий доступ в ряды дворян всем людям, дослужившимся до обер-офицерского чина. Но только люди, дослужившиеся до первых восьми рангов или чинов, причислялись к «лучшему», «старшему», т. е. потомственному дворянству; прочие состояли в дворянстве личном. С течением времени чем лучше становилось положение дворянства и чем более знакомились дворяне с западноевропейскими правами и понятиями, тем более в дворянстве формировалось чувство сословной чести. Явилось понятие о том, что прилично и что неприлично дворянину. Волинский, известный уже нам, не хотел «связываться с бездельниками» по одному делу, потому что делать это, по его словам, не было «и последнему дворянину прилично и честно». Бедные дворяне, служившие рядовыми, плакались на то, что в таком положении они «уже все свои шляхетные поступки теряют».

Это чувство шляхетской чести было не чувством личного достоинства, а чувством сословным, и находило признание в правительственных кругах. В 1730 г. В. Т. Совет обещал шляхетству «содержать его в надлежащем почтении и консидерации, как и в прочих европейских государствах». При Елизавете это обещание до некоторой степени переходило в дело. Рядом с созданием сословной привилегии идет забота отделить дворянство от остальных низших слоев населения путем его обособления, недопущением в дворянство демократических элементов.

Таким пришлым элементом было дворянство личное, т. е. те люди, которые своей службой приобрели личные права дворянства. Указами Елизаветы это личное дворянство лишено было права покупать людей и земли. Сенат в 1758 и 1760 гг. постановил о личных дворянах: «Так как дети их не дворяне, то не могут иметь и покупать деревни»; «недворяне, произведенные по статской службе в обер-офицеры, не могут считаться в дворянстве и не могут иметь за собою деревень». Так пресекалась возможность для личного дворянства пользоваться льготами потомственного дворянского класса. Дворяне по роду становились отдельно от дворян по службе. Но из среды дворянства, пользовавшегося всеми правами и льготами, правительство стремилось вывести всех тех людей, дворянское происхождение которых было сомнительно. Дворянином стали считать только того, кто мог доказать свое дворянство. С 1756 г. рядом постановлений Сенат определил, что в дворянские списки могут быть вносимы только лица, доказавшие свое дворянское происхождение. При этом определен был и самый порядок такого доказательства. Очищая этим путем дворянство от случайных примесей, правительство желало вместе с тем удержать в дворянстве те обедневшие роды, которые сошли в разряд однодворцев, и не приказывало смешивать их с прочей массой однодворцев.

Всеми указанными мерами времени Елизаветы дворянство из класса, отличительным признаком которого служили государственные повинности, стало превращаться в класс, отличием которого делались особые исключительные права: владение землей и людьми. Иначе говоря, дворянство становилось привилегированным сословием в государстве, наследственным и замкнутым. Это был очень важный шаг в историческом развитии русского дворянства; это было введением к знаменитым мерам о дворянстве Петра III и Екатерины II. Как мы уже видели, дворяне при Елизавете, получив имущественные привилегии, стали мечтать об освобождении и от служебной повинности.

Но для этого освобождения не пришло еще время. Напротив, при Елизавете службу с дворян спрашивали очень строго. За укрывательство грозили строгими наказаниями; смотры недорослям, вновь вступающим на службу, производились по-прежнему, и за неявку на них налагались суровые кары. Однако стремление дворянства избежать службы, заметное и раньше, не уменьшалось. Оно и было причиной, почему правительство не могло решиться не только снять с дворян их обязанность, но даже облегчить ее. Правительство боялось остаться без людей.

Зато в царствование Елизаветы много было сделано, чтобы облегчить дворянству обязательное для него обучение. В 1747 г. дан был регламент Петербургской Академии наук, учрежденной для развития науки в России, по мысли Петра Великого, еще при Екатерине I. Эта Академия в первые годы жила исключительно силами и трудами ученых немцев. Между ними не было согласия. С течением времени в Академии появились и русские деятели: Нафтов, Третьяковский, Ломоносов. Последний начал борьбу с академическими немцами, и в Академии по-прежнему не было мира и порядка. Назначение в 1746 г. Кирилла Разумовского президентом Академии еще раз вывело наружу и прежде не скрытые беспорядки и повело к регламенту 1747 г. Этим регламентом Академия определялась как ученое и учебное учреждение. Она состояла собственно из Академии (собрание ученых людей), Университета (собрание учащихся и учащих людей) и подготовительной к Университету Гимназии. Десять академиков с их адъютантами (помощниками), непременно из русских людей, составляют Академию. Особые от Академии профессора и их ученики-студенты составляют Университет. Гимназия из 20 молодых людей готовит своих питомцев к университетскому курсу. Учиться при Академии могут люди всех званий, кроме податных.

Однако первыми шагами академического университета правительство было

недовольно. Явилась мысль выделить университет как самостоятельное учреждение. В 1754 г. Ив. Ив. Шувалов выработал проект университета в Москве, центральном городе России, который более Петербурга доступен был провинциальному дворянству и «разночинцам» (допущенным в университет наравне с дворянством). В 1755 г. университет в Москве был открыт, и Ив. Ив. Шувалов назначен его куратором. В университете было 10 профессоров и три факультета: юридический, медицинский и философский. При университете было две гимназии: одна для дворян, другая для разночинцев (но не для податных классов).

Хотя оба университета назначались не для дворянства, но и для прочих классов, однако пользоваться ими дворянство могло шире других лиц, потому что на нем лежала повинность обучения, и потому что ко времени Елизаветы дворянство ранее других классов сознало необходимость просвещения и прибегало к помощи домашних учителей (весьма сомнительных знаний и достоинств, по свидетельству самого правительства). Этому стремлению дворян учиться правительство Елизаветы сознательно шло навстречу. Оно не ограничилось университетом, но заботилось о развитии других дворянских учебных заведений (Сухопутный шляхетский корпус, Артиллерийская школа, школы при коллегиях и т. д.). Таким образом, для дворянства путь к образованию был хорошо обеспечен Елизаветой.

Из частных мер касательно дворянства при Елизавете должно упомянуть об учреждении Дворянского банка в Петербурге с конторой его в Москве. Этот банк обеспечивал дворянству недорогой кредит (6% в год) в довольно крупных суммах (до 10 000 руб.).

В истории XVIII в. улучшение положения дворянства постоянно связывалось с ухудшением быта и с уменьшением прав крестьянства. Мы видели, что в самый момент вступления Елизаветы на престол правительство, устранив крестьян от присяги новой государыне, тем самым взглянуло на них, как на людей, лишенных гражданской личности, как на рабов. Хотя такой взгляд не соответствовал ни фактическому положению крестьян, ни общим взглядам на них правительства, однако крестьяне по закону стали при Елизавете еще в худшее положение, чем были до нее. Уже самый факт передачи крестьян в исключительно дворянское владение теснее привязывал крестьянина к определенному кругу владельцев. Закон же все более и более давал власти над крестьянами их помещику. Право передачи крестьян было расширено: в 1760 г. помещику дано было право ссылать неисправных крестьян в Сибирь, причем правительство считало каждого сосланного как бы за рекрута, данного помещиком в казну; наконец, крестьяне были лишены права входить в денежные обязательства без позволения своих владельцев. Владельцы получили, таким образом, широкие права над личностью и имуществом своих крестьян. И мы знаем, что они часто пользовались этими правами; исследователи истории крестьянского сословия указывают обыкновенно на краткие экономические записки В. Н. Татищева (передового человека своего времени), которые относятся к 1742 г. и излагают нормальные, по мнению автора, отношения землевладельцев и их крестьян. Опека над личностью, хозяйством и имуществом крестьянина доведена в этих записках до того, что прямо свидетельствует о самом полном подчинении крестьян помещику. Последний смотрит на крестьян, как на свою полную собственность, и распоряжается ими, как одной из статей своего хозяйства. И само правительство как бы разделяло такой взгляд: при Елизавете оно, например, не запрещало иметь крестьян дворянам безземельным, стала быть, считало крестьянина крепким не земле, а лицу дворянина, иначе – считало его собственностью помещика. Эта крепкая связь между лицом владельца и крестьянина возлагала на помещиков особые обязанности в отношении крестьян. Правительство требовало, чтобы помещики обеспечивали крестьян семенами в неурожайные годы, чтобы они наблюдали за порядочным поведением своих крестьян. Такие требования еще шире

раздвигали пределы помещичьей опеки. Дворянин являлся перед правительством не только владельцем земли, населенной крестьянами, но собственником крестьян, податной и полицейской властью над ними. Дворянам правительство передало часть своих функций и власти над крестьянами, и это, конечно, создало прекрасные условия для дальнейшего развития крепостного права.

Итак, нетрудно видеть, что перемены, происшедшие при Елизавете в положении главных государственных сословий, были прямым продолжением тех перемен, которые произошли со времени Петра Великого в эпоху временщиков. Елизавета продолжала дело Анны и не возвратилась к порядкам Петра Великого. Хотя она часто говорила о своем великом отце и желала все устроить так, как делалось при нем, но в действительности ее правительство шло не туда, куда ей хотелось. Дворянство продолжало свои успехи, крестьяне непрерывно теряли свои права. А между тем Елизавета вступила на престол с ясным желанием возвратиться к началам своего отца. Причина некоторого разлада между этим желанием и результатом деятельности Елизаветы лежала в том, что императрица, как мы видели, правила помощью лиц дворянского класса, уже достаточно упрочившего свое положение. Обидеть этот класс было для Елизаветы и нежелательно и, невозможно по общему положению дел и отношений.

Зато вместе с этим классом Елизавета дружно и энергично стремилась возвратиться к началам Петра в устройстве государственного управления.

Управление времени Елизаветы встречало в нашей литературе самые разнообразные оценки. «Царствование Елизаветы Петровны не принадлежит к числу тех, которые оставляют по себе долгую память во внутреннем строе государства. Мы напрасно будем искать в правительственных распоряжениях какой-нибудь системы, какого-нибудь плана. В этом отношении царствование Елизаветы представляет продолжение предыдущих правлений», – говорит один исследователь (Ешевский. Соч., II, 537). «Время Елизаветы Петровны представляет один из любопытнейших моментов в истории нашего права. Высшая законодательная власть бездействует; нет теории, творческой деятельности Петра, его систематического объединения разных государственных вопросов... Вместе с тем заметно полное возвращение к началам, внесенным Петром в русские учреждения... Можно проследить дальнейшее развитие начатков, положенных Петром в нашу администрацию» – так отзывается другой исследователь (Градовский «Высшая администрация России», 192-193). Наконец, третий историк (Соловьев «История России», XXII) такими словами характеризует управление Елизаветы: «Восстановление учреждений Петра Великого в том виде, в каком он их оставил, постоянное стремление дать силу его указам, поступать в его духе – сообщали известную твердость, правильность, систематичность действиям правительства, а подданным – уверенность и спокойствие».

Такие отзывы, сделанные одновременно, противоречат один другому и относительно направления, и относительно качества правительственной деятельности Елизаветы. Одни признают в ней сознательное стремление возвратиться к началам Петра, другие отрицают в ней всякое направление. Одни видят в ней систему, твердую и правильную, другие не видят никакой систематичности. Однако можно и при таких разногласиях найти достаточное число фактов, чтобы признать известное направление за правительство Елизаветы, не отрицать у него присутствия общего плана или, правильнее сказать, известного и определенного характера управления. Направление заключалось в стремлении к началам Петра и к национальной политике; отсутствие общих задач ясно доказывается тем, что время Елизаветы не оставило потомству ничего своего: оно не изменило в старых формах управления ни одной существенной черты и не принесло никакой существенной новизны. Законодательная деятельность шла за указаниями

жизни, развивалась путем практики и не возвышалась до сознания руководящих норм, потому что у власти не было потребности что-либо переделывать и перестраивать. Идеалом был петровский порядок, но, как мы уже видели и еще увидим, его не всегда достигали и даже не все понимали.

Тотчас по вступлении на престол Елизавета уничтожила Кабинет, восстановила Сенат в том составе и значении, какие он имел при Петре, и высказала желание возвратить всю администрацию в те формы, какие установил Петр Великий. Это повело к восстановлению многих упраздненных коллегий (Берг – и Мануфактур-коллегии), к восстановлению Главного Магистрата и прежней подчиненности городского самоуправления (1743 г.). Но во всей точности восстановить формы петровского управления Елизавете не удалось. Даже сам елизаветинский Сенат был далек от Сената петровского времени. А местное управление оставалось в тех формах, какие оно приняло уже после Петра.

Елизаветинский Сенат представляет собой в истории XVIII столетия любопытнейшее явление. Он стал снова после уничтожения Кабинета высшим органом управления в государстве. Елизавета повелела, чтобы Сенат имел прежнюю свою силу и власть, как было при Петре Великом. По законам Петра, Сенату не принадлежала законодательная функция, он был только административно-судебным органом; таким должен он был стать и при Елизавете. Однако елизаветинский Сенат перешел границу и казался даже законодательным учреждением. По словам Екатерины II, «Сенат установлен для исполнения законов, ему предписанных, а он часто издавал законы, раздавал чины и достоинства, деньги, деревни, одним словом, почти все и утеснял прочие судебные места в их законах и преимуществах». Это случилось при Елизавете, и причиной этого Екатерина считала «неприлежание к делам некоторых моих предков (намек на Елизавету), а более случайных при них людей пристрастие». Отзыв наблюдательной современницы сходится с выводами историков XIX в. Градовский о елизаветинском Сенате отзывался так: «Без преувеличения правление Елизаветы можно назвать управлением важнейших сановников, собранных в Сенат». Исследование деятельности Сената в 1741-1761 гг. действительно показывает необычайную широту его действий и высокий правительственный авторитет. Он управляет всем государством, и его указы часто по существу своему суть законодательные акты. Позднейший исследователь елизаветинского Сената (А. Е. Пресняков) упрекает Сенат в стремлении централизовать всю власть в своих руках, хотя видит в этом не политическую тенденцию Сената, а сознание слабости и несовершенства подчиненных учреждений, которым Сенат не доверял.

Где же причины того странного факта, что учреждение, поставленное в точные рамки петровского законодательства, могло далеко и безнаказанно выйти из них? Находим две причины, и обе они указаны императрицей Екатериной. Во-первых, упрек Екатерины по отношению к Елизавете («неприлежание к делам») хотя несправедливо зол, однако имеет некоторое основание. Личные свойства и непривычка к делам заставляли Елизавету управлять помощью приближенных лиц и лишали ее возможности деятельно контролировать административный организм, работавший без ее непосредственного руководства. В личности императрицы Сенат, таким образом, не мог встретить систематического сопротивления своим узурпациям. Во-вторых, чрезвычайный авторитет Сената не встречал противодействий и в приближенных императрице людях, потому что они сами были в Сенате, и сами поднимали его значение. Это-то и разумела Екатерина II под «пристрастием случайных людей». Мы видели, что влиятельные при дворе и в администрации люди, «верховные господа министры», «случайные и припадочные люди» еще при Петре влияли на Сенат; после Петра они действовали над Сенатом в Верховном тайном совете и Кабинете. Теперь, когда такого верховного учреждения

не стало, влиятельные люди времени Елизаветы перешли в Сенат, подняли его авторитет и значение сенаторского звания и усвоили Сенату те черты деятельности, какими прежде отличались Совет и Кабинет. Их громадное влияние на дела, приобретение в силу фавора к ним императрицы, они передавали тому учреждению, в котором сходились и действовали. Это и было главной причиной возвышения елизаветинского Сената. Когда с течением времени была учреждена «для весьма важных дел» Конференция при дворе Елизаветы, она подчинила себе Сенат. Но членами ее были те же сенаторы, притом внимание ее было обращено на внешние дела России; поэтому внутри России по-прежнему главенствовал Сенат. Вышло так, что одни и те же «случайные люди» стали ведать один род дел в Конференции, другой в Сенате; этим и ограничивалось влияние Конференции на общий ход дел.

«Важные сановники, собранные в Сенат», управляя делами России, прежде всего были озабочены состоянием государственных финансов. Россия при Елизавете не сводила концов с концами в своем государственном хозяйстве, и вопросы о бюджете, увеличении доходов и сокращении расходов, беспокоившие одинаково все правительства XVIII в., тяжелым бременем лежали и на елизаветинском Сенате. Преимущественно из финансовых соображений вытекало постановление Сената о производстве ревизии податного населения через каждые 15 лет. В силу этого постановления при Елизавете было две ревизии. Одна началась в 1743 г. и насчитывала 6 643 335 податных душ (мужеска пола); другая – в 1761 г. и насчитала 7 363 348 душ. Эти переписи должны были привести в известность число прямых плательщиков государства и уяснить Сенату вопрос о лучшем устройстве прямых налогов. Но и о косвенных налогах, и об общем развитии торгов и промыслов заботились не меньше. Комиссия о коммерции, существовавшая при Елизавете, создала ряд проектов для развития внешней русской торговли. В видах поощрения внутренней торговли уничтожены были внутренние таможи и мелочные сборы с товаров. Купечеству, как и дворянам, государство открыло дешевый кредит, учредив вместе с дворянским и купеческий заемный банк.

Забота о финансах не отвлекала Сената от других дел. В деятельности елизаветинского Сената находим много любопытных черт. В числе поднятых Сенатом вопросов был весьма важный вопрос о размежевании земель в государстве; усиленно призывались колонисты для заселения южных окраин, и разумно призывались из-за границы не инородцы и иноверцы, но славяне (сербы) и православные, урегулирована была рекрутская повинность разделением России на пять частей, с которых рекруты брались по очереди только через 4 года в 5-й. Влияя на церковное управление, Сенат заботился о распространении православия, об обеспечении духовенства и монастырей, о благочинии церковном и о распространении духовного образования в народной массе. Словом, Сенат проявил весьма почтенную заботливость об интересах церкви и духовенства. Желая улучшения нравов в народе, Сенат сам проявлял своей деятельностью большую гуманность взглядов и приемов, чуждую предыдущему правительству. В этом он следовал за самой императрицей, фактически отменившей смертную казнь в России.

Вся деятельность елизаветинского Сената свелась к ряду частных мероприятий, вроде указанных. Перечислить их все нет возможности. Замечая подобный характер деятельности Сената, Градовский говорит о Сенате времен Елизаветы: «Он не думал об общегосударственных преобразованиях; строгий практик, он по частям удовлетворял возникшие потребности и из этих частных его усилий, отдельных мер, создавалась впоследствии систематическая деятельность, носившая уже известный определенный характер». Но мы выше уже видели, что систематическим в правительственной деятельности времени Елизаветы было только общее ее направление, по сравнению с предшествовавшей эпохой более гуманное и строго национальное, причем эта национальность направления

заклучалась в одном правиле: управлять Русским государством при помощи русских же людей и в духе Петра Великого.

Хотя Елизавета не во всем была верна духу своего отца, хотя ее царствование и не внесло полного благоустройства в жизнь народа (сама Елизавета в конце царствования сознавалась, что зло, с которым она боролась, «пресечения не имеет»), однако народ оценил и гуманность, и национальность ее правления. Отдохнувшее под властью русских людей, в течение мирных лет, народное чувство понимало, кому оно обязано долгим спокойствием, и Елизавета царствовала спокойно и стала весьма популярной государыней; можно сказать, что славой и популярностью своей в народе она обязана много своему Сенату. В этом оправдание правивших в Сенате «случайных людей» Елизаветы, о которых так незаслуженно зло отозвалась Екатерина.

Внешняя политика.

Главных руководителей и общее направление политики Елизаветы мы уже видели. Мы знаем, что и во внешней политике при Елизавете старались следовать традициям Петра, но следовали не вполне точно, как это было и в политике внутренней. Теперь нам остается посмотреть на главные факты политических отношений и столкновений, бывших при Елизавете.

Вступая на престол, Елизавета застала Россию в войне со Швецией и находилась сама под сильным влиянием враждебных Австрии французов – Шетарди и Лестока. Мы знаем, что это влияние и ряд ошибок, сделанных русской дипломатией, дурно отразились на международном положении России; они связали России руки и вынудили ее на бездействие в борьбе Пруссии с Австрией. Елизавете прежде всего следовало окончить шведскую войну и затем занять независимое положение в европейских делах. Это и выполнил с успехом А. П. Бестужев-Рюмин. Война со Швецией окончена была в 1743 г. миром в Або, по которому Швеция не только не получила всей желаемой ею Финляндии, но должна была уступить России и новые области финляндские до реки Кюмени. После этого все внимание русской дипломатии устремилось на Запад.

Но Бестужеву не сразу и даже не скоро пришлось добиться того, что его влияние окрепло и его политическая система была усвоена русским правительством. При Елизавете в первые ее годы имел большое значение Лесток, бывший проводником французских интересов при русском дворе. Все свое влияние на Елизавету Лесток употреблял для того, чтобы (вместе с Шетарди) втянуть Россию в союз с Пруссией и Францией против Австрии, иначе говоря, заставить Россию идти в политике тем же путем, которого близоруко держались при Анне Леопольдовне. Несмотря на упорное противодействие Бестужева, Лесток был в силе до 1748 г. Россия бездеятельно смотрела на быстрый рост политического могущества Пруссии, вышедшей с полной победой из своей войны с Австрией за Силезию (1748 г). Но вместе с тем Елизавета держалась вне союза с Пруссией и Францией. Таким образом, Франции только удалось устранить русскую помощь Австрии, но не удалось распоряжаться русскими силами в свою пользу.

В 1748 г. Бестужев путем ловкой придворной интриги избавился от Лестока и его вдохновителя Шетарди. Лесток был изобличен в продажности и сослан в Устюг, а перехваченные письма Шетарди ясно показали Елизавете, что он относится дурно лично к ней, и Шетарди был выслан из России. С тех пор Бестужев начал без соперников и помехи (если не считать соперничеством случайного вмешательства в политику других любимцев Елизаветы) проводить свою систему. Уже в 1750 г. произошел дипломатический разрыв России с Пруссией, и вместе с тем росло

сближение с Австрией. Как известно, в Европе возвышение Пруссии вызвало после 1748 г. боязнь за политическое равновесие, и эта боязнь повела к составлению коалиции против Фридриха II. Австрия сблизилась с Францией для мести Фридриху; и та, и другая искали союза с Россией. За союз с Австрией стоял, конечно, Бестужев; за союз с Францией – Шуваловы. Система Бестужева требовала, чтобы политическое равновесие не нарушалось вблизи России, чтобы интересы старой русской союзницы Австрии не страдали так явно, как они страдали от Фридриха. Взгляды Бестужева были приняты императрицей, лично не любившей Фридриха, и Россия вступила в коалицию против него. Положение дел было тогда таково. Две войны за Силезию держали Австрию в боевой готовности; русская же армия оказалась в то время вовсе не готовой, т. е. те 200 000 регулярных солдат, которыми в конце царствования Петра располагала Россия и которые в то время были громадной силой, оказались негодными для немедленного действия. Со времен Петра прошло много лет. Войска были расположены на постоянных квартирах и обжились там так, что утратили не только военную гибкость, но и военную годность. Пришлось поэтому готовить армию к войне в то время, когда Австрия уже начала оперировать, и на подготовку армии потребовался целый год. Только во втором году войны явились русские войска в Восточную Пруссию и начали наступательные действия против Фридриха. В 1757 г. под начальством С. Ф. Апраксина они разбили прусский корпус при Грос-Егерсдорфе, но затем, будто побежденные, отступили за Неман в Польшу. Это дало основание и своим, и чужим возвести на Апраксина обвинение в неспособности и недобросовестности. Современники и некоторые историки винили Апраксина в том, что он отступил вследствие слухов о болезни Елизаветы, ибо знал о нерасположении к войне ее преемника Петра II. Виновником позорного отступления считали и Бестужева. Но в позднейших исследованиях (особенно Д. Ф. Масловского «Русская армия в Семилетнюю войну») такой взгляд считается несправедливым. Апраксин отступил из Пруссии потому, что в войсках были большие потери и не было продовольствия. Тем не менее он был привлечен к ответственности и умер под судом в 1758 г. Вместе с тем начато было следствие и над Бестужевым; за многие «вины» политического и придворного характера он был отставлен от дел и сослан в деревню. В сущности, дело Апраксина и Бестужева не вполне было следствием военных дел: в него вмешались сложные придворные интриги.

Командование над войсками было передано генералу Фермору, который в 1758 г. вступил в Пруссию и выдержал нерешительную битву с Фридрихом при Цорндорфе. В 1759 г. войсками начальствовал граф Салтыков, который и разбил Фридриха при Кунерсдорфе. В 1760 г. русский корпус занял Берлин, столицу Фридриха, а в 1761 г. Бутурлин удачно действовал в восточной части Пруссии. Смертью Елизаветы (25 декабря 1761 г.) прекращено было пятилетнее участие русских в Семилетней войне. Оно прошло не без пользы для русских войск, так как практически подготовило военных людей для времени Екатерины II; но оно прошло без пользы для государства, хотя наши удачные походы показали Европе большие военные силы России. Наконец, и Пруссия была ослаблена настолько, что Екатерина II могла не бояться ее завоевательного аппетита.